Политическая лингвистика. 2026. № 5 (119).
Political Linguistics. 2026. No 5 (119).

УДК 811.521'33+342.5+81'272
ББК Ш175.42-55+Х71 *ГРНТИ 16.21.27* *Код ВАК 5.9.8*

Диана Алексеевна Соколова[1,2]
[1] Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, Ярославль, Россия, diana.falcone.exp@gmail.com, https://orcid.org/0009-0005-8038-4327
[2] Межрегиональный институт судебных экспертиз и исследований, Ярославль, Россия

Лингвопрагматический лабиринт: историческое влияние кэйго (敬語) и косвенных стратегий на формирование признательных показаний в японских полицейских допросах

АННОТАЦИЯ. *Данная статья исследует критически важную, но часто недооцениваемую роль лингвопрагматических особенностей японского языка, в частности кэйго (почтительного языка) и косвенных коммуникативных стратегий, в контексте полицейских допросов. На фоне поразительного показателя обвинительных приговоров в Японии и центральной роли признаний в судебной системе возникает острая необходимость понять, как тонкие языковые механизмы могут влиять на добровольность и достоверность показаний, потенциально способствуя формированию ложных признаний. Методология исследования включает лингвопрагматический анализ дискурса допросов, выявляющий, как традиционные для японской культуры языковые паттерны, предназначенные для поддержания гармонии и иерархии, трансформируются в инструменты контроля и давления в условиях дисбаланса власти. Осуществлялся лингвопрагматический анализ системы кэйго, анализ косвенных коммуникативных стратегий, анализ структуры и динамики допроса, анализ лексического выбора и семантических полей, психолингвистический анализ. Результаты анализа призваны пролить свет на когнитивное и психологическое воздействие этих стратегий на подозреваемых. Отмечается, что лингвистические особенности японского языка увеличивают риски недопонимания и искажения информации: японский по своей природе является высококонтекстуальным и часто амбивалентным языком, что может быть использовано против допрашиваемого.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *японская судебная лингвистика, полицейские допросы, ложные признания, кэйго, косвенная коммуникация, лингвопрагматика, дайё кангоку (следственные изоляторы в полицейских участках), японское правосудие.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Соколова Диана Алексеевна, аспирант кафедры теории языка и немецкого языка, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, Ярославль, Россия; эксперт-лингвист, эксперт-психолог, ООО «Межрегиональный институт судебных экспертиз и исследований», Ярославль, Россия, email: diana.falcone.exp@gmail.com.*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Соколова, Д. А.* Лингвопрагматический лабиринт: историческое влияние кэйго (敬語) и косвенных стратегий на формирование признательных показаний в японских полицейских допросах / Д. А. Соколова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 5 (119). — С. 246-255.

Diana A. Sokolova[1,2]
[1] Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, Yaroslavl, Russia, diana.falcone.exp@gmail.com, https://orcid.org/0009-0005-8038-4327
[2] Interregional Institute of Forensic Expertise, Yaroslavl, Russia

Linguopragmatic Labyrinth: Historical Influence of Keigo (敬語) and Indirect Strategies on the Elicitation of Confessional Evidence in Japanese Police Interrogations

ABSTRACT. *This article examines the critically important, yet often underestimated, role of the linguopragmatic features of the Japanese language, particularly keigo (respectful language) and indirect communication strategies, in the context of police interrogations. Against the backdrop of the strikingly high conviction rate in Japan and the central role of confessions in the judicial system, there is an urgent need to understand how subtle linguistic mechanisms can influence the voluntary nature and reliability of testimony, potentially leading to false confessions. The research methodology includes linguopragmatic analysis of interrogation discourse, which reveals how linguistic patterns traditional to Japanese culture and intended to maintain harmony and hierarchy, are transformed into tools of control and pressure under conditions of power imbalance. The study carries out a linguopragmatic analysis of the keigo system, along with an analysis of indirect communicative strategies, an analysis of the structure and dynamics of the interrogation, an analysis of lexical choice and semantic fields, and a psycholinguistic analysis. The results of the analysis are intended to shed light on the cognitive and psychological impact of these strategies on suspects. It is noted that the specific linguistic features of the Japanese language increase the risks of misunderstanding and distortion of information: Japanese is inherently a highly contextual and often ambivalent language, which can be used against the person being interrogated.*

KEYWORDS: *Japanese forensic linguistics, police interrogations, false confessions, keigo, indirect communication, linguopragmatics, daiyo kangoku, detention centers, police stations, Japanese jurisdiction*.

© Соколова Д. А., 2026

AUTHOR'S INFORMATION: *Sokolova Diana Alekseevna, Post-Graduate Student of Department of Language Theory and German, Yaroslavl State Pedagogical University, Yaroslavl, Russia; Forensic Linguist, Forensic Psychologist of Interregional Institute of Forensic Expertise LLC, Yaroslavl, Russia.*

FOR CITATION: *Sokolova D. A.* (2026). Linguopragmatic Labyrinth: Historical Influence of Keigo (敬語) and Indirect Strategies on the Elicitation of Confessional Evidence in Japanese Police Interrogations. In *Political Linguistics*. No 5 (119), pp. 246-255. (In Russ.).

1. ВВЕДЕНИЕ

Интерес к Японии и японскому языку обусловлен как генетическим статусом ее языка-изолята и его уникальными лингвистическими характеристиками, так и значительной ролью страны в современном глобальном контексте. Японская система уголовного правосудия является предметом пристального внимания и международных дискуссий, отчасти из-за ее уникальных характеристик, которые порой кажутся парадоксальными для западного наблюдателя. Японские прокуроры признаны международным сообществом одними из самых лучших, а деятельность японской прокуратуры ставится в пример многими исследователями [Johnson 2001: 5]. Одной из наиболее обсуждаемых особенностей является феноменально высокий процент обвинительных приговоров [Johnson 2001]. Этот показатель, в сочетании с центральной ролью признания (jihaku-shugi) в качестве ключевого доказательства, вызывает серьёзные вопросы относительно добровольности и достоверности таких признаний на стадии предварительного расследования, особенно учитывая практику дайё кангоку (Daiyō kangoku, 代用監獄) [Unknown author, 1992] — «замещающей тюрьмы», когда подозреваемые содержатся в полицейских участках, а не в следственных изоляторах, что создает условия для длительных и интенсивных допросов без присутствия адвоката [Johnson 2024].

Д. Джонсон [Johnson 2001: 5] заявляет, что хотя японская прокуратура, вступающая в процесс на стадии обвинения в суде, не является такой «фашистской», как было до войны, однако она по-прежнему остается опасной, поскольку сочетает в себе «власть предвзятого осуждения» с жесткой бюрократической и иерархической структурой, а путь к судебному обвинению, которое поддерживает прокуратура, начинается с допросов в полицейских участках.

Актуальность исследования представляет лингвистическое осмысление международной критики системы дайё кангоку и методов допроса.

Цель работы: провести комплексный лингвопрагматический анализ использования кэйго и косвенных коммуникативных стратегий в контексте полицейских допросов в Японии и оценить их влияние на процесс получения признательных показаний.

2. МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Методология исследования включает лингвопрагматический анализ системы кэйго, анализ косвенных коммуникативных стратегий, анализ структуры и динамики допроса, анализ лексического выбора и семантических полей, психолингвистический анализ.

3. ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Теоретически обосновать роль языка в формировании показаний и рассмотреть особенности японской коммуникации с акцентом на кэйго и косвенность в контексте правового дискурса.
2. Идентифицировать и классифицировать конкретные формы кэйго и косвенные стратегии, используемые сотрудниками правоохранительных органов и подозреваемыми в записях допросов.
3. Проанализировать прагматические функции этих языковых явлений в создании атмосферы допроса, включая установление контроля, применение скрытого давления, формирование псевдо-раппорта и побуждение к признанию.
4. Исследовать потенциальное психологическое и когнитивное воздействие кэйго на подозреваемого-японца, в частности, их роль в формировании податливости, конформности и риске ложных признаний.

4. ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Несмотря на недавние реформы, такие как обязательная видеозапись допросов по тяжким преступлениям, фундаментальное значение признания в японском правосудии остается неизменным. Исторически сложившаяся культура, где признание вины часто воспринимается как акт покаяния, способствующий восстановлению социальной гармонии (wa), создает уникальную динамику в процессе допроса. Международные правозащитные организации, включая Комитет ООН по правам человека, неоднократно выражали озабоченность по поводу потенциального давления и принуждения, связанных с длительным содержанием под стражей и методами допроса, которые могут привести

к ложным чистосердечным признаниям[1]. В этом контексте, лингвистический аспект приобретает первостепенное значение, поскольку именно язык является основным инструментом взаимодействия между допрашивающим и подозреваемым. Понимание того, как особенности японской коммуникации используются и интерпретируются в стрессовой ситуации допроса, становится критически важным для оценки справедливости и прозрачности судебного процесса.

Японское общество высоко ценит гармонию и избегание конфликтов (wa, 和 — гармония). В контексте допроса, где следователь представляет собой авторитетную фигуру, подозреваемый может чувствовать сильное давление к сотрудничеству и сохранению гармонии, даже если это означает признание вины. Отказ от сотрудничества или прямое отрицание может быть воспринято как нарушение гармонии, что крайне нежелательно.

Проблема исследования заключается в том, чтобы выяснить, как уникальные лингвопрагматические особенности японского языка (в частности, кэйго) могут быть использованы или интерпретированы таким образом, что это влияет на добровольность и достоверность признательных показаний, потенциально приводя к самооговору.

Японский язык характеризуется сложной системой кэйго (keigo, 敬語) — почтительных форм речи, которые отражают иерархические отношения и социальный статус говорящих. Помимо кэйго, японская коммуникация широко использует косвенные стратегии, намеки, подразумевания и замалчивания, что является частью культурного стремления к гармонии и избеганию прямых конфронтаций [Fuki 2002]. В повседневной жизни эти особенности способствуют эффективному и вежливому взаимодействию. Однако в асимметричной среде полицейского допроса, где существует явный дисбаланс власти и психологическое давление, эти же лингвистические инструменты могут трансформироваться в мощные рычаги влияния. Проблема заключается в том, что использование кэйго и косвенных стратегий допрашивающим может создавать иллюзию уважения или сочувствия, маскируя при этом давление, внушение или манипуляцию, что затрудняет для подозреваемого (особенно в уязвимом состоянии) адекватную оценку ситуации и свободное выражение своей воли. Это может привести к тому, что признания, полученные в таких условиях, не будут являться по-настоящему добровольными или достоверными.

4.1. Теоретические основы и концептуальный аппарат

Данная часть призвана заложить прочный теоретический фундамент для последующего анализа, представив ключевые концепции из области лингвистики, прагматики, психолингвистики и культурологии, которые необходимы для понимания сложного взаимодействия между языком, властью и формированием показаний в контексте японских полицейских допросов. Мы рассмотрим природу показаний как речевого акта, углубимся в проблему ложных признаний с психолингвистической точки зрения, а затем остановимся на уникальных особенностях японской коммуникации, таких как система кэйго и косвенность, а также их потенциальном влиянии на когнитивные процессы подозреваемых.

Полицейский допрос — это не просто обмен информацией, а высокоструктурированное, асимметричное коммуникативное мероприятие, где язык выступает центральным инструментом для достижения определенных целей. Понимание его лингвистической природы критически важно для анализа динамики взаимодействия между допрашивающим и подозреваемым.

В рамках теории речевых актов, разработанной Дж. Остином [Austin 1975] и Дж. Сёрлем [Searle 1970], любое высказывание рассматривается не только как передача информации, но и как действие. Показания, и в особенности признания, являются особым типом речевого акта. С одной стороны, они представляют собой ассертивный речевой акт — утверждение о факте или событии, предполагающее истинностное значение. С другой стороны, в контексте допроса, признание приобретает мощную иллокутивную силу — намерение говорящего (подозреваемого) взять на себя ответственность за деяние, и перлокутивную силу — воздействие на слушателя (допрашивающего и, в дальнейшем, судебную систему), приводящее к определенным последствиям (например, предъявлению обвинения).

Однако показания, полученные в ходе допроса, отличаются от обычных ассертивных актов. Они формируются в условиях институционального давления, где свобода выбора говорящего (подозреваемого) значительно ограничена. Допрашивающий, обладая властью, активно конструирует дискурс,

[1] Amnesty International Japan: Justice in Question. The Case for Fundamental Reform of the Criminal Justice System. Amnesty International Publications. URL: https://www.amnesty.org/en/wp-content/uploads/2021/06/asa220102012en.pdf (accessed: 29.07.2025).

используя вопросы, утверждения, намеки и оценки, которые могут направлять или даже искажать высказывания подозреваемого, в том числе не в его пользу. Таким образом, показания становятся результатом не только внутренней воли говорящего, но и сложного лингвистического и психологического взаимодействия, где каждая сторона преследует свои цели.

Феномен ложных признаний — когда человек признается в преступлении, которого не совершал, — является одной из наиболее тревожных проблем в уголовном правосудии. Исследования Дж. Кассина и К. Райтсман [Kassin, Wrightsman 1985; Kassin 2014] выделяют три основных типа ложных признаний:

1. Добровольные ложные признания — сделанные без принуждения, часто из-за желания защитить кого-то, психического расстройства или стремления к известности.

2. Вынужденные (соглашательские) ложные признания — сделанные для прекращения допроса, избежания наказания или получения обещанной выгоды, при этом подозреваемый внутренне знает о своей невиновности.

3. Вынужденные (интернализованные) ложные признания — сделанные после того, как подозреваемый начинает верить в свою виновность под воздействием внушения, манипуляций или ложных доказательств.

Лингвистические факторы играют ключевую роль в формировании вынужденных признаний. Это включает использование допрашивающими:

– Наводящих вопросов (формулировка, которая предполагает желаемый ответ).

– Манипулятивных формулировок (создание ложной дилеммы, минимизация тяжести преступления, предложение «понимания» или «помощи» в обмен на признание).

– Переинтерпретации отрицаний (отвержение допрашивающим заявлений о невиновности как лжи или проявления сопротивления).

– Лингвистического давления (многократное повторение вопросов, настойчивые просьбы «сказать правду», использование угроз или обещаний, выраженных в завуалированной форме).

– Дискурсивного контроля (монополизация права на определение темы, порядка высказываний, прерывания и переформулирования слов подозреваемого).

Эти стратегии, вкупе с психологическим давлением (изоляция, лишение сна, длительность допроса), могут подрывать способность подозреваемого к сопротивлению и рациональному осмыслению ситуации, делая его уязвимым для формирования ложных показаний. В контексте сталинизма описываемый способ допроса можно сопоставить с внутренними тюрьмами НКВД или временными камерами при оперуполномоченных, где содержались арестованные до или во время следствия.

Дискурс допроса по своей природе является асимметричным. Допрашивающий обладает институциональной властью, которая проявляется не только в физическом контроле над подозреваемым (задержание, помещение в камеру), но и в лингвистическом контроле над коммуникацией.

Эта динамика власти усиливается в японском контексте, где социальная иерархия и уважение к авторитету глубоко укоренены в культуре. Лингвистические маркеры власти и статуса, такие как кэйго, становятся не просто формой вежливости, но инструментом поддержания этой иерархии и осуществления контроля в условиях допроса.

Японская коммуникация значительно отличается от западных моделей, что обусловлено глубокими социокультурными факторами. Понимание этих особенностей критически важно для анализа дискурса допроса.

Система кэйго делится на почтительную (尊敬語), скромную (謙譲語) и вежливую (丁寧語) речь.

Кэйго — это сложная система уважительной речи, неотъемлемая часть японского языка, которая отражает иерархические отношения, социальный статус, степень близости и эмоциональное состояние говорящих [Ide 1989; Wetzel 2004]. Выделяют три основные категории:

Сонкэйго (尊敬語 — почтительная речь) используется для возвышения действий или состояния собеседника или лица, о котором говорят. Например, вместо iku (идти) используется irassharu. Цель — выразить уважение к статусу или положению другого.

Кэндзёго (謙譲語 — скромная речь) используется для принижения действий или состояния самого говорящего или лица из его группы (например, компании), чтобы выразить уважение к собеседнику. Например, вместо iku (идти) используется mairu. Цель — проявить скромность и тем самым показать, что статус собеседника выше статуса говорящего.

Тэйнэйго (丁寧語 — вежливая речь): общая форма вежливости, используемая для нейтрального выражения уважения к собеседнику, обычно через использование окончаний -masu и -desu. Это самый распространенный тип кэйго.

Функции кэйго выходят за рамки простой вежливости: они служат для поддержания

социальной гармонии (wa), четкого определения иерархии, демонстрации принадлежности к определенной группе (uchi-soto — «свои — чужие») и управления впечатлением. В контексте допроса, кэйго, используемое допрашивающим, может создавать ложное впечатление уважения или даже сочувствия, в то время как подозреваемый, находясь в подчиненном положении, вынужден использовать кэйго в адрес допрашивающего, что подчеркивает его зависимость и может способствовать пассивности или конформности.

Косвенность (kansetsusei, 間接性) — это культурные предпосылки (гармония, избегание конфронтации). Она выражается в стремлении избегать прямых, категоричных или слишком личных высказываний, чтобы проявить уважение, смирение, деликатность и избежать навязывания своего мнения или желания собеседнику.

Японская коммуникация традиционно отдает предпочтение косвенности над прямолинейностью. Это коренится в стремлении к поддержанию социальной гармонии (wa), избеганию прямой конфронтации и сохранению «лица» как своего, так и чужого. Культурные концепции, такие как omoiyari (сочувствие, внимательность к чувствам других) и enryo (сдержанность, стеснение), способствуют развитию косвенных стратегий.

Важным аспектом является дихотомия honne (本音 — истинные чувства, намерения) и tatemae (建前 — фасад, публичное поведение). В японской культуре часто ожидается, что человек будет выражать tatemae, скрывая при этом honne, особенно в официальных или иерархических отношениях. Это приводит к широкому использованию косвенных речевых актов:

– намеки и подразумевания: информация передается не прямо, а через контекст, интонацию, выбор слов, в ожидании, что собеседник «прочитает между строк»;

– непрямые отказы или согласие: вместо прямого «нет» или «да» используются фразы типа «это будет несколько сложно» или «я подумаю об этом»;

– использование неопределенных выражений: частое употребление tabun (возможно), kamoshirenai (может быть), nanka (что-то вроде) для смягчения категоричности;

– вопросы, маскирующие утверждения или просьбы, например: «Не могли бы вы…?» вместо прямого приказа.

В допросе косвенность может быть использована допрашивающим для скрытого давления или манипуляции, позволяя ему отрицать прямое принуждение. Для подозреваемого, привыкшего к косвенной коммуникации, распознавание истинных намерений допрашивающего может быть затруднено, что увеличивает риск неверной интерпретации и податливости.

В японской культуре молчание (chinmoku 沈黙) является не отсутствием коммуникации, а ее активной, значимой частью [Nakane 1970]. Оно может выражать согласие, несогласие, размышление, неуверенность, уважение или даже форму протеста. В отличие от западных культур, где молчание часто интерпретируется как отсутствие информации, неловкость или даже враждебность, в Японии оно может быть признаком глубокого понимания или обдумывания. Концепция haragei (腹芸 — «искусство общения через живот») подразумевает интуитивное, невербальное понимание между людьми, часто достигаемое через молчание и намеки.

Наряду с молчанием, невербальные сигналы (поклоны, зрительный контакт, жесты, выражение лица) играют огромную роль. Они могут дополнять, усиливать или даже противоречить вербальным высказываниям. В условиях допроса, интерпретация молчания подозреваемого или его невербальных реакций допрашивающим (который может быть обучен западным методам) может быть неверной, что приводит к ошибочным выводам о виновности или невиновности. С другой стороны, допрашивающий может использовать свою невербалику для оказания давления или создания ложного раппорта.

4.2. Психолингвистические аспекты допроса

Психолингвистика изучает взаимосвязь между языком и мышлением. В контексте допроса она помогает понять, как лингвистические стратегии влияют на когнитивное состояние подозреваемого и его способность формировать и выражать показания.

Длительный допрос, изоляция и психологическое давление могут вызывать у подозреваемых ряд когнитивных искажений, такие как искажение памяти, предвзятость подтверждения и внушаемость. Условия дайё кангоку (длительное содержание в полицейском участке, отсутствие сна, изоляция, постоянные допросы) создают экстремальный стресс, который оказывает глубокое влияние на когнитивные функции и речевую деятельность.

Концепция амаэ (甘え), введенная японским психоаналитиком Такео Дои [Doi 2014], описывает уникальную для японской культуры психологическую потребность в пассивной зависимости, желание быть любимым, принятым и прощенным без необходимости

прямого выражения просьб или оправданий. Это фундаментальное чувство, коренящееся в отношениях ребенка с матерью, пронизывает многие аспекты японского общества, включая отношения в семье, на работе и в социальных группах. Амаэ подразумевает негласное ожидание, что другой человек (особенно более старший или авторитетный) проявит доброжелательность, понимание и заботу, даже если это требует нарушения правил или норм.

В контексте допроса, амаэ зачастую становится мощным инструментом манипуляции. Допрашивающий, осознанно или интуитивно, может использовать эту культурную особенность, создавая видимость «родительской» фигуры — понимающей, но строгой. Он может предлагать понимание ситуации подозреваемого, обещать помощь или смягчение обстоятельств в обмен на признание, апеллируя к скрытому желанию подозреваемого быть прощенным или принятым авторитетной фигурой. Подозреваемый, находясь в уязвимом положении и испытывая стресс, может поддаться этой тактике, полагая, что признание вины (даже ложное) приведет к восстановлению гармонии, получению сочувствия и завершению неприятной ситуации, что соответствует проявлению амаэ в отношении допрашивающего. Таким образом, амаэ может способствовать формированию ложных признаний, основанных не на фактах, а на глубоко укорененных культурных и психологических паттернах поведения.

4.3. Лингвопрагматический анализ допросов: механизмы формирования признаний

В данной части мы перейдем от теоретических основ к практическому анализу, исследуя конкретные лингвопрагматические механизмы, которые используются в японских полицейских допросах и могут способствовать формированию показаний, включая ложные признания. Мы рассмотрим, как система кэйго, косвенные стратегии, невербальная коммуникация и просодия функционируют как инструменты власти и манипуляции, а также проанализируем, как эти факторы проявлялись в известных судебных прецедентах.

Следователь, обладающий институциональной властью, стратегически использует кэйго для установления и поддержания своей доминирующей позиции:

● Демонстрация статуса и дистанции — следователи, как правило, обращаются к подозреваемым, используя формы тэйнэйго (вежливая речь, оканчивающаяся на -masu и -desu), а иногда и сонкэйго (почтительная речь), особенно на начальных этапах допроса. Это создает впечатление официальности, дистанции и подчеркивает их авторитетный статус, даже если тон их речи кажется вежливым. Такая «вежливость» может быть воспринята подозреваемым как проявление превосходства, требующее подчинения [Ide 1989].

● Вежливость как форма контроля: использование кэйго следователем может создавать ложное ощущение раппорта или даже заботы, что побуждает подозреваемого к сотрудничеству. Однако эта вежливость является лишь фасадом (tatemae), за которым скрывается цель получить признание. Она может замаскировать давление, делая его менее очевидным и, следовательно, более трудным для отпора. Например, вежливые вопросы, сформулированные в тэйнэйго, могут нести в себе скрытые предположения о виновности, которые подозреваемому труднее оспорить, чем прямое обвинение [Wetzel 2004].

● Создание атмосферы доверия: в некоторых случаях следователи могут использовать более мягкие, почти отеческие формы кэйго или даже переходить на менее формальные стили, чтобы создать иллюзию понимания и сочувствия, апеллируя к культурной концепции амаэ [Doi 2014]. Подозреваемый может воспринять это как знак того, что следователь на его стороне или понимает его положение, что делает его более податливым к признанию.

Подозреваемый, находясь в уязвимом положении, обычно вынужден отвечать следователю, используя кэйго, что является отражением его подчиненного статуса и попыткой соответствовать социальным нормам. Использование кэйго подозреваемым является не только проявлением вежливости, но и признанием власти следователя. Это может способствовать формированию конформного поведения, когда подозреваемый стремится угодить допрашивающему, даже если это означает дачу ложных показаний.

В японской культуре выражение раскаяния и смирения часто ассоциируется с использованием кэндзёго (скромной речи). Подозреваемый, даже будучи невиновным, может использовать эти формы, чтобы продемонстрировать правильное отношение к ситуации, надеясь смягчить отношение следователя или произвести благоприятное впечатление. Это может быть воспринято как признак вины [Wagatsuma, Rosett 1986].

Подозреваемые могут использовать кэйго для того, чтобы их слова звучали более уважительно, менее конфронтационно, или

чтобы выразить покорность, надеясь на снисхождение или более мягкое обращение к себе. Это может быть попыткой «сохранить лицо» и избежать дальнейшего давления [Nakane 1970].

Динамическое переключение между различными стилями кэйго или отказ от них следователем является мощной прагматической тактикой.

Резкий переход от тэйнэйго или сонкэйго к обыденной, фуцуу-тай (futsūtai, ふつう体) или даже грубой речи (yobidashigo, よびだしご — приказной форме) является шоковой тактикой. Это сигнализирует о неудовольствии следователя, его разочаровании или гневе, оказывая сильное психологическое давление на подозреваемого. Это может быть воспринято как отказ от понимания и переход к агрессивному допросу, что подталкивает подозреваемого к признанию для прекращения дискомфорта.

Напротив, возвращение к вежливому кэйго после периода давления может быть использовано для создания «островка безопасности», предлагая подозреваемому свободу через признание. Это может быть частью тактики «хороший полицейский/плохой полицейский», где вежливый тон сопровождается обещаниями смягчения участи в обмен на сотрудничество.

Такие переключения стилей служат для манипуляции эмоциональным состоянием подозреваемого, усиления ощущения контроля со стороны следователя, сигнализации о смене фазы допроса (например, от «дружеской беседы» к «серьезному разговору») и, в конечном итоге, для формирования желаемых показаний.

Таким образом, японская коммуникация характеризуется высокой степенью косвенности, что в условиях допроса может стать источником двусмысленности и манипуляции. Косвенные стратегии позволяют следователю оказывать давление, не прибегая к явным угрозам, что затрудняет оспаривание принуждения.

Вместо прямых вопросов, требующих однозначного «да» или «нет», следователи часто используют косвенные формулировки, которые могут быть наводящими или подразумевать определенный ответ:

– вопросы-намеки: вместо «Вы украли деньги?» может быть задан вопрос типа «Может быть, вы случайно взяли эти деньги?». Такая формулировка облегчает подозреваемому согласие, поскольку она минимизирует тяжесть деяния и предоставляет путь к отступлению;

– вопросы с пресуппозицией: «Как вы это сделали?» вместо «Вы это сделали?». Этот тип вопроса уже предполагает виновность, вынуждая подозреваемого отвечать на «как», а не на «если»;

– риторические вопросы: следователь может задавать вопросы, не ожидая прямого ответа, а для того, чтобы подвести подозреваемого к определенному выводу или вызвать эмоциональную реакцию.

Влияние на подозреваемых заключается в том, что косвенные вопросы менее конфронтационны, но при этом могут быть более эффективными для получения признания, поскольку они обходят прямое отрицание и апеллируют к стремлению избежать прямой конфронтации [Nakane 1970].

Вместо открытого принуждения, следователи часто используют косвенные формулировки, которые подразумевают негативные последствия отказа от признания или позитивные последствия сотрудничества:

– *«Будет лучше для вашей семьи»*: классическая завуалированная угроза/обещание. Фразы типа «Если вы признаетесь, это будет лучше для вашей семьи» или «Мы не хотим, чтобы это повлияло на ваших детей» могут оказывать огромное давление, апеллируя к чувству ответственности подозреваемого и культурной концепции семьи. Это эксплуатирует амаэ, предлагая прощение или помощь со стороны авторитетной фигуры.

– Использование эвфемизмов и смягчающих выражений позволяет следователю снизить эмоциональную или моральную нагрузку на подозреваемого, делая признание менее болезненным.

– Минимизация тяжести преступления: называние кражи номинацией «взятие» (toru), а не «кражей» (nusumu), или нападения — «недоразумением» (mondai) может побудить подозреваемого признаться в меньшем деянии. Это соответствует японской склонности к избеганию прямой конфронтации с неприятной реальностью.

– Смягчение давления: описание самого допроса как «беседы» (hanashi) или «консультации» (sōdan) вместо «допроса» (torishirabe) маскирует его принудительный характер.

– Молчание в японской коммуникации имеет глубокое культурное значение [Nakane 1970]. В контексте допроса оно может быть мощным инструментом давления.

– Тактика ожидания: после заданного вопроса или обвинения следователь может замолчать, создавая неловкую паузу, которая давит на подозреваемого, вынуждая его заполнить тишину. Это может привести к тому, что подозреваемый начинает говорить больше, чем намеревался, или признается, чтобы прекратить дискомфорт.

– Усиление давления: длительное молчание, сопровождаемое интенсивным зрительным контактом или определенной позой, может быть крайне пугающим и использоваться для усиления психологического дискомфорта, заставляя подозреваемого чувствовать себя пойманным в ловушку и изолированным.

– Чтение между строк: японская культура предполагает, что многое передается через невербальные сигналы и контекст (haragei). Молчание следователя может интерпретироваться подозреваемым как сигнал неудовольствия, ожидания признания или даже скрытого осуждения.

– Невербальные сигналы и просодические особенности (интонация, темп, громкость) являются важной частью коммуникации и могут значительно влиять на восприятие сообщения и динамику допроса.

– Интонация: изменение интонации может превратить нейтральное утверждение в вопрос, саркастическое замечание или обвинение. Вопросительная интонация, даже при утвердительной форме предложения, может быть использована для побуждения к подтверждению.

– Наклон вперед, сближение дистанции с подозреваемым может быть использовано для создания ощущения давления или интимности. Расслабленная поза может, напротив, создать ложное ощущение непринужденности.

В японской культуре жесты часто более сдержанны, чем в западных. Однако даже тонкие жесты (например, кивок, жест рукой) могут быть использованы для направления разговора, выражения одобрения или неодобрения, или для подчеркивания определенных слов, а прямой, пристальный взгляд в японской культуре может быть воспринят как агрессивный или неуважительный [Sugimoto 2014]. Следователь может использовать это для оказания давления.

Анализ конкретных судебных дел позволяет увидеть, как лингвистические и прагматические механизмы допроса проявляются в реальной практике и как они могут влиять на исход дела.

Одним из наиболее известных и показательных примеров в Японии, где проблема ложных признаний и методов допроса стоит особенно остро, является дело Хакамады Ивао (Hakamada Iwao). В 2011 году Хакамада Ивао вошел в книгу рекордов Гиннеса как заключенный, который пробыл под стражей самый длительный промежуток времени. В 2024 году в отношении него был вынесен оправдательный приговор, а общий срок заключения составил 58 лет [Johnson 2024].

Хакамада, бывший боксер, был арестован в 1966 году по обвинению в убийстве четырех человек и организации поджога. Он был приговорен к смертной казни, где приговор был основан на его чистосердечном признании, которое он позже отозвал, утверждая, что оно было получено с использованием пыток, давления и лишения сна. Хакамада провел в камере 58 лет, что стало мировым рекордом. В 2024 году суд в Сидзуоке постановил возобновить дело и освободить его, сославшись на сомнения в подлинности доказательств и признания.

Лингвистический аспект: в ходе пересмотра дела и публичных дебатов, значительное внимание уделялось лингвистическому анализу протоколов допросов Хакамады. Было установлено, что его признания были написаны следователями, а не им самим, и содержали множество нелогичных и противоречивых деталей. Лингвистический анализ показал, что стиль и формулировки в разных частях признаний менялись, указывая на то, что они были сфабрикованы следователями. Кроме того, Хакамада давал множество различных версий признаний, что является классическим признаком вынужденного признания [Johnson 2024]. Анализ его речи во время допросов выявил признаки крайней усталости, дезориентации и податливости, что согласуется с психолингвистическими исследованиями влияния стресса и длительного задержания на когнитивные функции. В решении после повторного судебного разбирательства даже упоминалось, что его признание было «сфабриковано» (捏造, или netsuzo).

Хотя прямое лингвистическое исследование протоколов допросов Хакамады не было основным аргументом для его освобождения (им стало обнаружение новых ДНК-доказательств), его дело стало катализатором для более широкой дискуссии о необходимости реформирования японских методов допроса, включая введение видеозаписи, и подчеркнуло важность лингвистического анализа для выявления признаков принуждения.

В Японии относительно мало случаев, где лингвистическая экспертиза допросов была центральным и официально признанным доказательством в суде (в отличие от некоторых западных стран), однако дело Хакамады и другие подобные прецеденты привели к росту осознания необходимости такого анализа. Юристы и правозащитники все чаще обращаются к лингвистам для выявления признаков манипуляции, внушения и психологического давления в протоколах допросов, особенно в случаях, когда обви-

нение основывается исключительно на признании, полученном в условиях длительного задержания и изоляции. Это подчеркивает растущую роль лингвопрагматического анализа в обеспечении справедливости в японской правовой системе.

Оспаривание признаний, полученных с использованием косвенных лингвистических стратегий, представляет собой огромную трудность для защиты в суде.

Лингвистические особенности японского языка, в сочетании с динамикой допроса, увеличивают риски недопонимания и искажения информации, что может привести к формированию неточных или ложных признаний. Японский язык по своей природе является высококонтекстуальным и часто амбивалентным, что может быть использовано против допрашиваемого в процессе допроса:

– Эллипсис (опущение) подлежащих и дополнений: в японском языке часто опускаются подлежащие и дополнения, если они понятны из контекста. В условиях допроса это может привести к недопониманию: фраза «сделал это» (sore o shimashita) может означать «я сделал это», «вы сделали это», «он сделал это» или даже «это было сделано». Следователь может интерпретировать такую фразу как признание, даже если подозреваемый имел в виду что-то другое.

– Отсутствие грамматической категории числа: в японском нет четкого различия между единственным и множественным числом, что может создавать путаницу в отношении количества лиц или предметов, участвующих в событии.

– Зависимость от контекста (bunmyaku): значение многих выражений сильно зависит от контекста и интонации. Следователь может манипулировать контекстом, чтобы придать словам подозреваемого желаемое значение.

Лингвистическое давление в японских допросах усиливается глубоко укоренившимися культурными нормами и ценностями, которые могут подталкивать подозреваемых к признанию, даже если они невиновны.

Помимо всего, в Японии существует глубоко укоренившееся уважение к авторитетным фигурам (полиция, учителя, старшие). Это может заставить подозреваемого чувствовать себя обязанным подчиниться требованиям следователя, даже если они кажутся несправедливыми. Использование кэйго следователем дополнительно усиливает эту иерархию. Отказ от признания может быть воспринят как неуважение к авторитету, что может привести к еще большему давлению.

4.4. Роль стыда (恥) и чести (名誉) в формировании признания

Хадзи (恥 — стыд) в японской культуре является мощным социальным контролером. Сам факт ареста и подозрения в совершении преступления приносит огромный стыд не только подозреваемому, но и его семье, друзьям и даже работодателю. Признание, даже если оно ложное, может быть воспринято как способ смыть часть этого стыда, продемонстрировать раскаяние и попытаться восстановить социальный порядок. Это также может быть попыткой «сохранить лицо» для своей семьи.

Связанная со стыдом концепция чести, мэйё (meiyo, 名誉 — честь) также играет роль. Честь семьи может быть поставлена под угрозу обвинением. В некоторых случаях, признание, даже ложное, может быть воспринято как способ защитить честь семьи, предотвратив дальнейшее публичное расследование и связанные с ним позоры.

В Японии существует особая культура извинений. Извинения часто используются не только как признание вины, но и как способ восстановления отношений и демонстрации раскаяния. Подозреваемый может извиниться за беспокойство, причиненное следователю или обществу, что может быть ошибочно истолковано как признание вины в преступлении [Wagatsuma, Rosett 1986]. Лингвистически, это может выражаться через использование скромных форм кэйго или фраз, выражающих сожаление.

5. ОБЛАСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ

Результаты проведенного исследования могут быть применены в культурной и межкультурной коммуникации, медиа и общественном просвещении.

6. ВЫВОДЫ

Таким образом, можно уверенно утверждать, что японская система допроса, особенно в части ее психолингвистических и тактических аспектов, демонстрирует сходство с российской системой в своей ориентации на получение признания под давлением. Однако эти методы, основанные на прямой конфронтации, принуждении и манипуляции, часто идут вразрез с глубинными культурными ценностями Японии, такими как гармония, стыд и честь, истинное амаэ и косвенность коммуникации. Это создает уникальный парадокс, где прагматическая и эффективная (с точки зрения получения признаний) правовая система функционирует, используя методы, противоречащие некоторым из самых фундамен-

тальных основ социального взаимодействия в стране.

Лингвопрагматический анализ японских допросов выявляет сложную сеть взаимодействий, где язык перестает быть просто инструментом передачи информации и превращается в мощное средство психологического воздействия путем использования социокультурного контекста. Система кэйго, косвенные стратегии, невербальная коммуникация и просодия, вплетенные в канву глубоко укоренившихся культурных норм и традиций, создают уникальную среду, в которой добровольность признаний может быть серьезно скомпрометирована.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Austin, J. L. How to Do Things with Words / J. L. Austin. — Second Edition. — [S. l.] : Harvard Univ. Pr. publ., 1975. — 192 p. — (The William James Lectures, Vol. 5). — ISBN 9780674252110.
2. Doi, T. The Anatomy of Dependence / T. Doi. — [S.l.] : Kodansha International publ., 2014. — 192 p. — ISBN 9781568365510.
3. Fuki, N. The Role of Cultural Influences in Japanese Communication: A Literature Review on Social and Situational Factors and Japanese Indirectness / Nakai Fuki // 異文化コミュニケーション研究. — 2002. — No 14. — P. 99–122.
4. Ide, S. Formal forms and discernment: Two Neglected Aspects of Universals of Linguistic Politeness / S. Ide // Multilingua — Journal of Cross-Cultural and Interlanguage Communication. — 1989. — Vol. 8, Iss. 2/3. — P. 223–248. — DOI 10.1515/mult.1989.8.2-3.223.
5. Johnson, C. Conspiracy at Matsukawa / C. Johnson. — Berkley : University of California Press publ., 1972. — 470 p.
6. Johnson, D. T. The Japanese Way of Justice: Prosecuting Crime in Japan (Studies on Law and Social Control) / D. T. Johnson. — 1st Edition. — Oxford University Press, 2001. — 344 p. — ISBN 978-0190283780.
7. Johnson, D. T. The Acquittal of Hakamada Iwao and Criminal Justice Reform in Japan / D. T. Johnson // Asia-Pacific Journal-Japan Focus. — 2024. — Vol. 22, No. 10. — P. e3. — DOI 10.1017/s1557466024037641. — EDN QZIIGQ.
8. Kassin, S. M. False confessions: Causes, consequences, and implications for reform / S. M. Kassin // Policy Insights from the Behavioral and Brain Sciences. — 2014. — Vol. 1, Iss. 1. — P. 112–121. — DOI 10.1177/2372732214548678.
9. Kassin, S. M. Confession Evidence / S. M. Kassin, L. S. Wrightsman // Psychology of Evidence and Trial Procedure. — Beverly Hills ; London ; New Dehli : Sage, 1985. — P. 67–94. — ISBN 0-8039-2379-1.
10. Nakane, C. Japanese Society / C. Nakane. — Berkeley : University of California Press publ., 1970. — 157 p. — ISBN 9780520016422.
11. Searle, J. R. Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language / J. R. Searle. — [S.l.] : Cambridge University Press publ., 1970. — 203 p. — 9780521096263.
12. Sugimoto, Y. An Introduction to Japanese Society / Yoshio Sugimoto. — [S.l.] : Cambridge University Press publ., 2014. — 382 p. — ISBN 9781107626676.
13. Daiyō kangoku = News and documents ND books (Japanese Edition). — Asahi Shinbunsha, 1992. — 207 p. — (In Japanese).
14. Wagatsuma, H., Rosett, A. The Implications of Apology: Law and Culture in Japan and the United States / H. Wagatsuma, A. Rosett // Law & Society Review. — 1986. — Vol. 20, Iss. 4. — P. 461–498. — DOI 10.2307/3053463.
15. Wetzel, P. J. Keigo in Modern Japan: Polite Language from Meiji to the Present / P. J. Wetzel. — [S.l.] : University of Hawaii Press publ., 2004. — 216 p. — ISBN 9780824826024.

REFERENCES

1. Austin, J. L. (1975). How to Do Things with Words: Second Edition (The William James Lectures). Harvard University Press publ., 192 p.
2. Doi, T. (2014). The Anatomy of Dependence. Kodansha International publ., 192 p.
3. Fuki, N. (2002). The Role of Cultural Influences in Japanese Communication: A Literature Review on Social and Situational Factors and Japanese Indirectness. 異文化コミュニケーション研究 = *Intercultural Communication Studies*, 99–122.
4. Ide, S. (1989). Formal forms and discernment: Two Neglected Aspects of Universals of Linguistic Politeness. *Multilingua — Journal of Cross-Cultural and Interlanguage Communication*, *8*, 223–248. DOI 10.1515/mult.1989.8.2-3.223.
5. Johnson, C. (1972). Conspiracy at Matsukawa. University of California Press publ., 470 p.
6. Johnson, D. T. (2001). The Japanese Way of Justice: Prosecuting Crime in Japan (Studies on Law and Social Control). 1st Edition. Oxford University Press, 344 p. ISBN 978-0190283780.
7. Johnson, D. T. (2024). The Acquittal of Hakamada Iwao and Criminal Justice Reform in Japan. *Asia-Pacific Journal-Japan Focus*, *22*(10), e3. DOI 10.1017/s1557466024037641. EDN QZIIGQ.
8. Kassin, S. M. (2014). False confessions: Causes, consequences, and implications for reform. *Policy Insights from the Behavioral and Brain Sciences*, *1*(1), 112–121.
9. Kassin, S. M., Wrightsman, L. S. (1985). Confession Evidence. *Psychology of Evidence and Trial Procedure*, 67–94.
10. Nakane, C. (1970). Japanese Society. University of California Press publ., 157 p.
11. Searle, J. R. (1970). Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language. Cambridge University Press publ., 203 p.
12. Sugimoto, Y. (2014). An Introduction to Japanese Society. Cambridge University Press publ., 382 p.
13. Unknown author (1992). Daiyō kangoku = News and documents ND books (Japanese Edition). Asahi Shinbunsha. 207 p. (In Japanese)
14. Wagatsuma, H., Rosett, A. (1986). The Implications of Apology: Law and Culture in Japan and the United States. *Law & Society Review*, *20*(4), 461–498. DOI 10.2307/3053463.
15. Wetzel, P. J. (2004). Keigo in Modern Japan: Polite Language from Meiji to the Present. University of Hawaii Press publ., 216 p.